

Уг. - М. - 1983 23 марта - 24
Гоголь в Париже

Как известно, Н. В. Гоголь работал над созданием «Мертвых душ» не только в России, но и за границей: в Риме, в Париже. Мы предлагаем вниманию читателя не публиковавшуюся на русском языке статью французского писателя Анри Труайя. В ней отражены главные события первого пребывания Гоголя в столице Франции: знакомство с Парижем, работа над «Мертвыми душами», известие о гибели Пушкина. Статья печатается с сокращениями.

Анри ТРУАЙЯ

Гоголь прибыл в Париж в начале ноября 1836 года, велел везти себя прямо к своему другу Данилевскому на улицу Мариво и согласился временно у него поселиться. Вскоре, впрочем, он... вместе с Данилевским снял небольшую меблированную квартиру в доме 12 на углу площади Биржи и улицы Вивьен...

Первые контакты с Парижем ошеломили его. «Париж не так дурен, как я воображал...», — писал он Жуковскому 12 ноября 1836 года и в тот же день матери: «Вчера я был в Лувровской картинной галерее во второй уже раз и все насилу мог выйти. Картины здесь собрались лучшие со всего света...»

...Всего более его увлекало нескончаемое движение на парижских улицах. Без устали бродил он по улочкам своего квартала, рассматривал прохожих, разглядывал витрины, ловил на лету улыбки женщин, любовался изяществом продавщиц в магазине, задерживался у книжных лавок...

Быстрая французская речь, бесцветное небо, непрерывное движение экипажей, сверканье конских сбруй и цокот копыт, аромат миндаляного крема, смешанный с запахом жареных каштанов, нервная веселость, пропитывавшая воздух, дерзкие взгляды, стремительные реплики — все вместе создавало удивительную атмосферу, которой он наслаждался, но которая и раздражала его.

После обеда он допоздна играл на бильярде или же отправлялся в театр. В Итальянской опере Гоголь слушал Гризи, Лаблаша, Тамбурины, Рубини. В «Комеди Франсез» аплодировал «Тартюфу», «Мнимому больному»... Он восторгался балетом. Постановка, декорации, костюмы — все было образцовым: «Балеты ставятся с такой роскошью, как в сказках; особенно костюмы необыкновенно хороши, с страшною историческою точностью... Тальони — воздух! Воздушнее еще ничего не бывало на сцене».

Однако эта блестящая, ослепительная жизнь в конце концов вызвала у Гоголя недоверие. Видимость была столь соблазнительна лишь потому, думал он, что за сверкающим фасадом крылась пустота. Он был недалек от заключения, что у французов нет души или, вернее, что они пренебрегали ее воспитанием и предавались активной, но поверхностной деятельности в разных областях, из которых самой глупой и самой вредной являлась, несомненно, политика...

«Здесь все политика, — писал Гоголь Прокоповичу, — в каждом переулке и переулочке библиотека с журналами. Остановишься на улице чистить сапоги, тебе суют в руки журнал; в нужнике дают журнал».

Все эти впечатления отразились в автобиографическом отрывке «Рим», герой которого — юный итальянец, приехавший в Париж учиться, не замедлил прийти к выводу, что Франция — «царство слов, а не дел».

Наблюдая западную цивилизацию, Гоголь не стремился завести знакомства с французами, более того в Париже он встретил небольшую группу русских...

Часто он приходил к чаю к Александре Осиповне Смирновой в дом 21 на улице Монблан и слушал ее игру на фортепьяно или обсуждал светские и политические новости столицы. Взамен он описывал ей свои прогулки по Парижу, свои обеды, вечера, рассказывал, как покупал у стоявшего впереди место в очереди, толпившейся у кассы театра. Нередко, увлекаемый воображением, он заявлял, что побывал в странах, где на самом деле никогда не ступала его нога. Она знала, что он скор на выдумку, и никогда не сердилась.

ВЗЯВ В РУКИ перо, он переставал слышать уличный шум. Париж со своими кафе, театрами, магазинами, со своими тротуарами, кишащими зеваками, уличными заторами, газовыми фонарями, Париж со своим дождем — отступал. В мире не существовало больше ни одного француза. Только русские окружали его и среди них — Чичиков, лукавый покупатель мертвых душ. «Бог простер здесь надо мной свое покровительство и сделал чудо: указал мне теплую квартиру, на солнце, с печкой и я блаженствую: снова весел, — писал Гоголь Жуковскому, — «Мертвые» текут живо, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наши, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом, вся православная Русь».

Чем глубже он осознавал исключительное значение своего нового творения, тем более негодовал, слыша, как восхваляют его прежние книги. Прокопович написал ему на свою беду, что «Ревизор» продолжают с успехом играть в России, и Гоголь с возмущением отвечал ему 25 января 1837 года: «Да, скажи, пожалуйста, с какой стати пишете вы все про «Ревизора»?.. Во-первых, я на «Ревизора» — плевать, а во вторых... к чему это?.. Мне страшно вспомнить обо всех моих маранях... Забвенья, долгого забвенья просит душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры «Ревизора», а с ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мне в течение долгого времени ни печатно, ни изустно не произносил никто ни слова, — я бы благодарил судьбу...».

И ВДРУГ страшная весть пришла из России: Пушкин убит на дуэли кавалергардом Жоржем Дантесом... Справедлива ли гибель кумира и славы целого народа от руки иностранца, по протекции допущенного в императорскую армию?

В первых числах марта Гоголь уехал в Италию. Он страстно хотел попасть в Рим к празднику Пасхи и — после короткого пребывания в Генуе и Флоренции — прибыл туда как раз вовремя, чтобы присутствовать на богослужении в соборе Святого Петра, совершаемом самим папой. ...В написанном в тот же день письме Плетневу он признался: «Никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего я не предпринимал без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не во-

ображал его перед собою... Боже! Нынешний труд мой, внушенный им, его создание... Я не в силах продолжать его. Несколько раз принимался я за перо — и перо падало из рук моих. Невыразимая тоска!»

Чувство меры, ясность, гармония, виртуозное мастерство — все это отличало творчество Пушкина, но хотя его прозрачное и уравновешенное искусство было противоположно гротескному и тревожащему искусству его младшего брата, никогда он не делал попыток навязать ему свои взгляды. Он руководил его чтением, он критиковал его рукописи, но предоставлял ему полную свободу в выборе художественных средств выражения. Он помогал ему всегда оставаться самим собой...

Сначала его охватило желание бросить работу... Но этот упадок духа длился недолго. Потреб-

ность творить вновь овладевает душой писателя. «Мертвые души» нуждались не в Пушкине, они нуждались в нем самом, Гоголе. Книга переполняла его, терзала его мозг. Он не мог и далее носить ее в себе. С лихорадочным нетерпением он вновь принялся за работу. «Я должен, — писал он Жуковскому, — продолжать мною начатый большой труд, который писать взял с меня слово Пушкин, которого мысль есть его создание и который

обратился для меня с тех пор в священное завещание. Я дорожу теперь минутами моей жизни, потому что не думаю, чтобы она была долговечна».

Уже Пушкин превращался в поэтическую тему, в имя, осенявшее новое творение и подчеркивавшее его исключительность и значение...

Публикация и перевод с французского Н. УНАНЯНЦ

Франсуа М. Ж.

23.03.93